

ные слова отнесены к знаменательным частям речи.

Категориально недифференцированные слова нельзя включать, как мы глубоко убеждены, в определенный разряд частей речи, ибо они колеблются между разными частями речи (наречием, прилагательным, существительным). Не все слова в языке являются частями речи, некоторые до сих пор не определили свою принадлежность к той или иной части речи. Поэтому первый раздел схемы деления

слов на части речи должен начинаться не разделом «части речи — ойлымаш ужаш-влак», а разделом «категории слов — мут-влак».

Все эти погрешности легко устранить. И нам думается, что автор при издании второй части своей работы внесет соответствующие поправки. В целом, нужно признать, что книга написана на уровне последних достижений науки о языке и является немалым вкладом в марийское языкознание.

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1983.4.12>

А. И. Туркин, Краткий коми топонимический словарь, Сыктывкар, Коми книжное издательство, 1981. 112 с.

Составитель рецензируемого словаря А. И. Туркин в течение многих лет исследует топонимию коми языка. Им проведен ряд экспедиций, собрана и в какой-то степени интерпретирована топонимия бассейнов всех крупных рек Коми АССР: Вычегды, Вымы, Сысолы, Вашки, Мезени, Лузы, Летки, Ижмы, Печоры. Накопленный материал получил теоретическое обобщение в кандидатской диссертации «Топонимия нижней Вычегды» (1971), а также в научно-популярной книге «Кöні тэ олан?» (Сыктывкар 1977), в статьях, выступлениях на конференциях и международных конгрессах финно-угроведов. Таким образом, рецензируемая работа представляет собой некоторый итог многолетних изысканий автора в области топонимии коми языка.

Словарю предпослано обширное предисловие, в котором дается краткая характеристика использованных источников, анализируются типичные ошибки предшественников, прослеживаются топонимические контакты на территории Коми АССР, показана историческая обусловленность различных этнолингвистических компонентов в коми топонимии.

Собственно словарь включает около 250 названий. Заглавным топонимом в каждой словарной статье является официальное русское наименование объекта. К нему приводятся фонетические варианты. В скобках указывается местное коми произношение. Затем объект получает

развернутую характеристику: приводятся известные автору исторические варианты названий, оцениваются существующие этимологии и топонимические мифы. В конце дается точка зрения автора на происхождение топонима. Таким образом, читатель получает полное представление о данном географическом названии.

При этимологизировании топонимов предпочтение отдается полевым материалам. Используются также письменные источники: отчеты путешественников и ученых XVIII—XIX вв., списки населенных мест разных лет, географические справочники и словари, различные карты и описания, исторические документы (летописи, жалованные грамоты, писцовые книги, исторические акты, материалы генеральных межеваний), архивные изыскания автора. Привлекаются и данные смежных наук — истории, географии, этнографии, фольклора. Словарь во многом восполняет отсутствие письменных памятников, на которых основывается филологическая (лингвистическая) реконструкция. Он включает в себя многочисленные топонимические явления, помогающие осветить различные стороны истории и языка народа коми.

Топонимия Коми АССР, как и любой другой территории, обжитой с древних времен, представляет собой творчество ряда эпох и многих поколений. Это заставляет автора объяснять местные названия с учетом истории языка-источ-

ника и народа — создателя названий. Принимаются во внимание топонимические контакты с соседними языками.

Наряду с исконно коми топонимами на территории Коми АССР выделяются пять топонимических пластов: русский, прибалтийско-финский (карело-вепсский), саамский (древнесаамский), обско-угорский и ненецкий. Таким образом, топонимия Коми АССР рассматривается как совместное творчество многих народов.

Отметив «примитивизм и упрощенчество» в некоторых топонимических штудиях, А. И. Туркин при исследовании происхождения топонимов опирается на сравнительно-исторический метод. Он сближает топонимические основы с тем или иным словом, предварительно сняв позднейшую адаптацию, нередко значительно искажившую звуковые оболочки топонимов.

В работе учитываются объективно существующие принципы номинации географических объектов, отражающие местные географические условия и занятия населения. Весьма удачен целый ряд этимологий. *Вильгорт* (с. 28) — автор документально прослеживает, что поселение было основано выходцами из разрушенного городища Карьюр, новое местожительство пострадавших естественно получило название *Вильгорт* 'Новая деревня, новое местожительство'; ср. также *Важгорт* 'Старая деревня, старое местожительство' (с. 23); убедительна этимология ойконима *Кошки* от коми *кось(к)* 'речной порог' (с. 54); для ее подкрепления привлечены звукосоответствия между коми и древнерусским языками. Обращение автора к обско-угорским языкам помогает раскрыть происхождение таких названий, которые до сих пор оставались загадочными. Например, языком-источником для *Локчим* оказывается хантыйский, в котором *лух* 'речная старица', а *чим* < *чум*, *чом* 'ручей' (с. 58, 96). На материале прибалтийско-финских языков раскрываются этимологии таких названий, как *Коквицы* (с. 50), ср. фин. *koko* 'величина, объем, размер' и русский суффикс *-в-иц(а)*. Это название имеет коми параллель *От*, ср. коми *от* 'ширь, ширина, простор, величина'. Гидроним *Сокся* (коми *Сокси*) возводится к фин. *sääksi* 'чайка' (с. 83).

В словарь включены и, на наш взгляд, удачно объяснены топонимы не-

нецкого происхождения, например: гидронимы *Сыръяга* 'снежная река' (с. 86), *Харота* 'извилистая (река)' (с. 93), *Юньяга* 'глубокая река' (с. 98).

По всей территории Коми АССР встречаются топонимы русского происхождения. Они свидетельствуют о длительных исторических и культурно-экономических связях между русскими и коми. При их анализе автор пользуется разными топонимическими приемами: структурным, формантным, этимологическим анализами, привлекает коми параллельные названия, использует прямые и метонимические кальки. Например, ойконим *Айкино* (коми *Айкатыла*) объясняется с помощью коми *айка* 'свекор' и *тыла* 'пожого': из *айка* и притяжательного суффикса *-ин(о)* получилась форма *Айкино* (с. 18); *Большелуг* (коми *Ыджытвидз*), *ыджыт* 'большой', *видз* 'луг'.

Однако и в рецензируемом словаре можно встретить такие объяснения, в которых учитываются не все обстоятельства появления топонимов. Автор пишет, что «в коми топонимии еще много неясного, поэтому не каждую статью можно считать совершенной» (с. 11). В этом отношении, в частности, обращают на себя внимание топонимы с корнем *лоп-*, которые, по мнению автора, имеют саамское происхождение (с. 9). В принципе отрицать саамский компонент в топонимии Коми АССР неправомерно. Однако пример с топоосновой *лоп-* в данном случае представляется неудачным, не учтена возможность объяснения таких названий с помощью самого коми языка. Известно, что корень *лоп-* (< *лõp*) представлен в топонимии не только Коми АССР, но и Верхнего Прикамья, где звучит близкородственный коми-пермяцкий язык, ср. *Лопью*, *Лопва*, *Лопья* и др. Слово *лõp*, *лõпт* встречается в коми языках как апеллатив в значении 'речной завал, речная чаща, напор лесной чащи в реке в половодье'. 'Чрезвычайная захлапленность рек — характерная особенность их не только в Коми-Пермяцком автономном округе, но и в Коми АССР. Что гидронимы с корнем *лоп-* часто имеют местное происхождение, убедительно говорят такие факты, как *Осиновая Лопва* — река в Юрлинском районе Коми-Пермяцкого округа. В названии непосредственно отмечается, каким древесным хламом была завалена река в момент ее

наименования. Апеллятив *lõp* представлен и в *v*-говорах коми-пермяцкого языка, ср. *Võn* — название части деревни Сюзь-Позья в Кудымкарском районе Коми-Пермяцкого округа.

Подобные неудачи не снижают значения словаря в целом. Работа содержит ценный фактический материал, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В топонимах проставлено ударение, в какой-то степени разрешена сложная проблема написания географических названий. Словарь адресован научным работникам, но весьма полезен и коллективам общеобразовательных

школ и других учебных заведений в организации краеведческой работы. Он станет серьезным шагом в изучении как коми, так и топонимии финно-угорских языков вообще.

Словарь был издан сравнительно небольшим тиражом — 3500 экз. Он уже представляет собой библиографическую редкость. Переиздание словаря в исправленном и дополненном виде было бы, помимо всего прочего, хорошим подарком к предстоящему VI Международному конгрессу финно-угроведов в г. Сыктывкаре в 1985 г.

А. С. КРИВОЩЕКОВА-ГАНТМАН
(Пермь)

Тийт-Рейн Вийтсо, Основные проблемы фонологической структуры прибалтийско-финских языков и ее истории. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Тарту 1983.

4 апреля 1983 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Т.-Р. Вийтсо «Основные проблемы фонологической структуры прибалтийско-финских языков и ее истории». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук П. Аристэ (Тарту), И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и Г. М. Керт (Петрозаводск).

В работе рассматриваются основные проблемы синхронической фонологии прибалтийско-финских языков и диалектов и выявляются исторические корни фонологических различий прибалтийско-финских диалектов. Автор полагает, что основные проблемы фонологической структуры языка связаны с возможностью альтернативной интерпретации фонетических фактов говорящими. Из шести изученных диалектов два — эстонские, остальные четыре относятся к ливскому, водскому, финскому и вепсскому языкам. То, что изучены диалекты не всех прибалтийско-финских языков, объясняется трудоемкостью описания фонологии любого диалекта, а также тем, что все сравнительные описания диалектов должны быть основаны на одинаковой методике. Поэтому, к сожалению, данные об ижор-

ском и карельском языках очень скудны. В общем же выбор изученных диалектов целесообразен.

Автор считает, что объектом фонологии является фонологическая форма выражений, т. е. слов, фраз, предложений звукового языка. С этим можно согласиться, так как фонологическая форма представляет собой, с одной стороны, план говорящего произносить определенное выражение, с другой, подсказывающую схему, позволяющую воспринимать информацию.

Т.-Р. Вийтсо подробно рассматривает ударение, длительность звуков, палатализацию и дифтонги в каждом изучаемом диалекте, так как именно в этих областях различия фонологической структуры наиболее велики. Он устанавливает, что во всех диалектах второстепенное ударение фонологически не совсем предсказуемо и что разные виды ударения используются для различения двух типов сложных слов. Показано также, как из фонологических геминат в ряде диалектов образовались долгие или сильные фонемы, которые противопоставляются коротким или слабым фонемам. Это новое в финно-угриктике положение. Рецензенту представляется, что они в общем верны. Т.-Р. Вийтсо излагает новую теорию о расщеплении праприбалтийско-